

Во имя чего введен театром эпизод, в котором на протяжении долгих минут драгоценного сценического времени поют с комментариями «Калинку» Авдей Спиридонович и Максим Орлов? Эпизод получился смешной, концентрирующий внимание зрителей, но он отвлекает от развития сквозного действия пьесы.

У артиста Н. Спиридонова подходящие данные для роли Курочкина, он «вошел» в эту роль, сжился с ней. Но она так загромождена ненужными деталями, что составить законченное представление о характере Курочкина почти невозможно. Вот Курочкин с самым серьезным видом всматривается в игральную карту (Похлебкина только что ему гадала), стараясь увидеть в ней черты лица будущего жениха Ольги. Что же, Курочкин изрядно глуп? Тогда интересна ли нам его судьба? Вот Курочкин с лихостью опытного ловеласа целует Любу и получает пощечину. Пощечина вызвала смех в зале, а характер Курочкина вновь скомпрометирован. Таких примеров можно привести немало.

Стремление режиссера поразить зрителей каждой сценой зачастую отрицательно сказывается на работе с актерами. Артистка Л. Шмидт, не доверяя, по всей вероятности, собственной актерской выразительности, чрезмерно «педалирует» характерность роли Василисы Павловны, в результате чего налицо лишь внешний рисунок образа и нет живого человека.

«Перевоплощение не в том, — говорит К. С. Станиславский, — чтобы уйти от себя, а в том, что в действиях роли вы окружаете себя предлагаемыми обстоятельствами роли и так с ними сживаетесь, что уже не знаете, «где я, а где роль?». Вот это настоящее, вот это есть перевоплощение» («Театр», 1952 г., № 2).

Об этом нередко еще забывают в Казанском театре.

А вот освобожденный от обязанности сместить во что бы то ни стало артист Н. Провоторов в мало развернутой автором роли агронома Мурavyева достигает несомненного успеха. Живет в роли Максима молодой способный артист Г. Бальян, но вот он хорошо знает «где я?» и хуже «где роль?», то есть не очень-то сжился с предлагаемыми обстоятельствами роли. Образу недостает конкретности. Мы не ощущаем ни биографии Максима, ни его настоящей профессии. «Приятный молодой парень», — можно сказать о герое Г. Бальяна, но то, что он парень деревенский, что он фронтовик в прошлом, — это приходится принимать на веру.

Несколько со стороны смотрит на создаваемый ею образ Л. Тюрина а роли Ольги. Снова — недоверие к собственной актерской выразительности. А вот у артистки Л. Мироновой, несомненно, мастерства куда меньше, чем у Л. Тюриной, а ей, играющей Галю, веришь больше, потому что она непосредственно действует, без оглядки на самое себя.

Ошибки, на которых я остановился, говоря о постановке «Свадьбы с приданым», присутствуют и в спектакле «Рассвет над Москвой». И тут, хотя и в меньшей степени, немало «вставных номеров», лишних деталей, мешающих восприятию целого. Так, на квартире у Курепина поставлен музыкальный дивертисмент — все играют на разных музыкальных инструментах; как самостоятельное танцевальное выступление, выглядит пляска на массовке за городом, в сцене десятиклассников много ненужных «веселых» мизансцен.

Исполнитель роли мастера Гермогена Петровича артист М. Шейнин выходит на сцену в пикейном жилете. Видимо, эта деталь одежды должна дать представление о преклонном возрасте мастера. По моим наблюдениям, наши рабочие в пикейных жилетах не ходят. И во всяком случае

